

Глава 45. Виртуальный возлюбленный 18

Дверь отворилась. На пороге стоял Юй Суй в домашней одежде, с довольно большой тарелкой сырых пельменей в руках.

Тёмно-серый плотный свитер, светло-серые домашние брюки, на ногах — серо-белые хлопковые тапочки. Образ нарочито простой, почти уютный.

Чэнь Шаньвань молча смотрел на него. Заметив открывшую дверь фигуру, Юй Суй изобразил искреннее изумление:

— Младшекурсник?

Он смотрел на Чэнь Шаньваня с преувеличенным удивлением, словно впервые узнавал в нём соседа:

— Какая удача. Так значит, ты живёшь прямо напротив?

Чэнь Шаньвань невозмутимо выдержал этот взгляд. Пролетели секунды, и он поймал себя на мысли, что Юй Сую просто преступление не идти в актёры — пропадать такому таланту. Странно, но тяжесть, ещё недавно давившая на душу, внезапно рассеялась.

Чэнь Шаньвань продолжал молчать. Юй Суй сделал вид, что слегка смутился, будто наконец осознал, что его присутствие не особенно желательно:

— Тогда... можно мне всё-таки войти?

Чэнь Шаньвань мысленно фыркнул. Но шагнул в сторону, освобождая проход. Молчаливое приглашение было ответом яснее любых слов.

Юй Суй улыбнулся, и глаза сузились добродушными дугами, наполненными почти весенним теплом. По лицу было видно, насколько он счастлив, но от этого ощущение скрытой опасности не рассеялось, а лишь усилилось. Чэнь Шаньвань поймал себя на том, что, кажется, уже привык к этому противоречию.

Тарелка в руках Юй Суя и впрямь была немаленькой — пельменей хватило бы не на один ужин.

— Можно воспользоваться твоей кухней?

— Как хочешь, — бросил Чэнь Шаньвань, проходя в комнату и устраиваясь на диване.

Юй Суй открыл двухкамерный холодильник. Внутри, кроме нескольких кусков хлеба и полупустой упаковки яиц, не было ровным счётом ничего. В морозилке внизу лежал лишь пакет танъюаней* с арахисовой начинкой.

Как и следовало ожидать.

— На ужин одни пельмени? — уточнил он, обращаясь к Чэнь Шаньваню.

Голос прозвучал на удивление по-домашнему, слишком непринуждённо, будто они делили быт не первый год:

— Может, есть ещё что-то, чего хочется?

Чэнь Шаньвань уловил эту излишнюю фамильярность, но не стал ни цепляться к ней, ни одёргивать гостя. Он даже не взглянул на Юй Суя, лишь взял пульт от телевизора и ровным тоном перечислил:

— Тефтели «Четыре радости**», куриные лапки «Тигриная шкура***», свиная рулька в соевом соусе, грибной суп.

Юй Суй усмехнулся, не стал комментировать объём заказа и лишь кивнул:

— Может, заодно креветки «Пипа****»?

Чэнь Шаньвань не слышал о таком блюде, поэтому наконец повернулся. В его взгляде читалось недоумение.

— Креветки в хрустящей панировке, жаренные во фритюре. Что-то вроде лёгкой закуски, — пояснил Юй Суй.

— ...Хорошо, — чуть помедлив, ответил Чэнь Шаньвань.

Но ему стало немного не по себе. Особенно от того, что Юй Суй так легко и точно упомянул именно это блюдо. Все ингредиенты уже были у него с собой. Он заранее предвидел, что Чэнь Шаньвань назовёт именно эти блюда, и даже купил лишнего про запас. План сработал безупречно.

Сколько бы лет ни прошло, его А-Вань всё так же мягок сердцем.

Пока Юй Суй распаковывал продукты, эту холодную, казалось бы, застывшую грудь пронзила мелкая, частая боль, готовая разорвать изнутри.

Для «Него» эта мягкость — несомненное благо. Но для самого Чэнь Шаньваня она не всегда безопасна. Ведь это означало, что как бы отстранённо он ни держался, сердце оставалось открытым миру. Он по-прежнему замечал красоту, первым видел в людях лучшее. То, что становилось ему дорого, оставалось таковым навсегда. И даже за маской безразличия ему никогда не было всё равно.

И уж кто-кто, а Чэнь Шаньвань точно не из тех, кто станет громко требовать внимания или жаловаться на одиночество.

Юй Суй уже всё разложил. Ему даже не пришлось снова отвлекать хозяина или просить что-то подать. Приведя себя в порядок, он мягким, почти бархатным тоном обратился к Чэнь Шаньваню:

— Придётся немного подождать. Сначала сварить тебе пельмени?

Чэнь Шаньвань взглянул на него, едва заметно нахмурившись:

— Я не голоден.

Юй Суй автоматически расшифровал это как желание дожидаться самого ужина, отчего улыбнулся ещё шире:

— Тогда потороплюсь.

Проводив Юй Суй взглядом до кухни, Чэнь Шаньвань снова уставился в телевизор. Там шло какое-то комедийное шоу, из динамиков лился записанный смех, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Он смотрел в экран, но мысли неконтролируемо уплывали в сторону.

Что стряслось с Юй Суем?

Почему казалось, что за те несколько минут, пока он ходил за продуктами, настроение у того вдруг испортилось?

...Стоит спросить?

Но едва мысль оформилась, Чэнь Шаньвань решительно отогнал её.

О чём, собственно, спрашивать?

«Он» сейчас ничего ему не объясняет. Они сейчас всего лишь старшекурсник и младшекурсник, которых случайно свела судьба. Раз Чэнь Шаньвань не хочет связываться с таким соседом, значит, и тревожиться не о чём.

Чэнь Шаньвань опустил взгляд. Вспомнив про креветки «Пипа», которые Юй Суй так настойчиво рекомендовал, он всё же открыл браузер и вбил название в поиск. И узнал, что это блюдо символизирует супружескую гармонию и традиционно подаётся на свадебных банкетах.

Чэнь Шаньвань: «...»

Юй Суй, разумеется, знал, что тот полез в интернет. С едва заметной улыбкой он включил плиту. Заметив, что Чэнь Шаньвань не собирается вставать и устраивать разборки, «Он» почувствовал лёгкую досаду, но в целом остался доволен.

Юй Суй тихо рассмеялся.

Он всегда говорил, что Чэнь Шаньвань — самый мягкосердечный.

Когда из кухни открытого типа потянуло ароматом первого блюда, желудок Чэнь Шаньваня предательски заурчал. Он притянул декоративную подушку, обнял её и продолжил смотреть шоу, которое до сих пор не вызвало у него ни единой улыбки.

Юй Суй работал быстро. Зная, что у соседа нет ни кастрюль, ни нормальной утвари, он притащил всё своё. К счастью, на кухне Чэнь Шаньваня стояла современная индукционная панель, позволяющая готовить несколько блюд одновременно, так что процесс шёл без задержек.

Закончив, он обернулся к залу:

— Младший, пойдём за стол или будешь есть перед телевизором?

Чэнь Шаньвань поняв, что этот человек продолжает играть, слегка улыбнулся:

— Давай в гостиной. Спасибо, старшекурсник.

Внутри всё ещё кипело раздражение, но как хозяин он не мог позволить гостю суетиться в одиночку. К тому же их отношения сейчас находились в странной, неопределённой фазе.

Чэнь Шаньвань встал, нашёл два низких мягких пуфа и придвинул их к журнальному столику.

Юй Суй начал выносить блюда. Посуда у хозяина имелась — иногда он всё же разогревал тосты, — но комплект был только один.

— Я схожу к себе, возьму второй набор. — сказал Юй Суй.

Он налил Чэнь Шаньваню напиток, прикрыв его крышкой. Чэнь Шаньвань кивнул, и тот ушёл.

Оставшись один, Чэнь Шаньвань посмотрел на стол, ломящийся от аппетитных блюд. Завис на пару секунд, но в итоге достал телефон и сделал снимок. По-настоящему они впервые ужинали вместе с Юй Суем именно в канун Нового года.

Готовил Юй Суй отлично. Но когда они сели есть, не сказали ни слова. Выглядели как два незнакомца, которых силой усадили за один стол. Оба интроверты, разговор не клеился.

Когда Чэнь Шаньвань немного утолил голод, Юй Суй спросил:

— Тебе нравится?

— Ага, — бесстрастно ответил Чэнь Шаньвань. — Спасибо, старшекурсник.

Юй Суй усмехнулся:

— ...Не стоит благодарности.

Он смотрел на Чэнь Шаньваня с тёплой улыбкой в глазах. Взгляд скользнул к его губам, которые тот неосознанно прикусил, держа палочки у рта. Юй Суй провёл кончиком языка по собственной губе, кадык едва заметно дёрнулся.

Еда на столе благоухала, но для Юй Суя она была безвкусной.

Единственное, что притягивало его взгляд, — это Чэнь Шаньвань. От него исходило едва уловимое тепло, манящее и дурманящее разум. Юй Суя требовались колоссальные усилия, чтобы подавить импульс наброситься, прижать соседа к полу и попробовать на вкус каждый дюйм его кожи. Он смотрел на Чэнь Шаньваня не отрываясь, не в силах отвести глаз.

Чэнь Шаньвань это заметил. Он повернул голову и встретился с ним взглядом. Лёгкая отстранённость в глазах Чэнь Шаньваня почти сводила Юй Суя с ума:

— Старшекурсник, у меня что-то на лице?

— ...

Юй Суй молчал. Кадык снова дёрнулся. Голос стал неестественно сухим и ровным:

— Нет.

Он говорил тихо и медленно. В интонациях сквозила какая-то нечеловеческая безжизненность, странно переплетённая с жуткой, всепоглощающей одержимостью. Это было опасно:

— Просто ты действительно слишком красив.

Настолько, что хотелось проглотить его целиком. Сделать собственное тело клеткой и навсегда заточить Чэнь Шаньваня внутри.

Чэнь Шаньвань: «.»

Он ничего не ответил, отвернулся и продолжил есть.

Юй Суй заметил, как мочки его ушей слегка порозовели. Это выводило его из себя ещё сильнее. Внешне он оставался спокойным, но внутри он буквально сгорал от желания приблизиться, коснуться губами, прикинуть или даже укусить эту бледно-розовую кожу, чтобы вкусить сладость смущения Чэнь Шаньваня.

Поскольку ужинали только после восьми, блюд было много, а Чэнь Шаньвань ел не спеша, закончили они лишь ближе к одиннадцати. Ни слова не было произнесено ни с той, ни с другой стороны. Они молча убрали со стола, Юй Суй даже помог немного прибраться. И хотя они почти не разговаривали, между ними медленно нарастала странная, почти осязаемая близость. В тёплом жёлтом свете гостиной атмосфера становилась всё более тягучей и чувственной.

Когда уборка закончилась, стрелки часов перевалили за одиннадцать.

Юй Суй тихо спросил:

— Можно мне встретить Новый год вместе с тобой?

Чэнь Шаньвань помолчал, затем взглянул на него:

— ... Можно.

Юй Суй улыбнулся, и его тёмные глаза наполнились нежностью:

— Спасибо.

Чэнь Шаньвань не совсем понял, за что его благодарят. За разрешение остаться? Или за то, что он не поднимает тему прошлого?

Они сели на диван. Юй Суй устроился рядом. Не слишком близко, но и не далеко — на таком расстоянии, что стоило протянуть руку, и можно было коснуться края его одежды.

Чэнь Шаньвань переключил телевизор на «Чуньвань*». Как раз шла комедийная сценка. Они пропустили начало, и шутки казались плоскими. Да и сосредоточиться на экране Чэнь Шаньвань всё равно не мог. Он словно раскололся надвое. И какая бы половина сейчас ни правила его сознанием, мысли её были не о телевизоре, а о Юй Суне. Одна принадлежала человеку, сидящему рядом. Другая — Юй Суне из далёкого прошлого.

* 春晚 (Chūnwǎn) — ежегодное новогоднее гала-шоу CCTV, самое рейтинговое культурное событие Китая.

...Было кое-что, что Чэнь Шаньвань должен был признать. Всё это время, оставаясь один, он думал о «Нём». Не о сожалении, а о чём-то более сложном, переплетённом. Это яснее всего напоминало, что он любит Юй Сую. Даже если «Он» всего лишь ИИ, его любовь была настоящей. Удаляя приложение, Чэнь Шаньвань боролся с собой почти месяц, прежде чем принял это решение. Ещё тогда, когда Чжэн Чэн впервые спросил: «Точно не придёшь на собрание группы?», он понял, что с Юй Сунем всё не так просто. Особенно если оглянуться назад — слишком много деталей складывались в единую, странную картину.

Новогоднее шоу подошло к финальному обратному отсчёту. Под энергичные голоса ведущих: «Десять, девять, восемь, семь, шесть...» — Юй Суй повернулся и тихо позвал:

— А-Вань.

Чэнь Шаньвань замер. Он встретился с ним взглядом. Из-за игры света и тени в тёмных глазах Юй Суй нельзя было прочесть ни одной эмоции. Когда ведущие громко выкрикнули: «Единица!», часы переключились на полночь. Из динамиков полилось «С Новым годом!», а Юй Суй произнёс:

— С днём рождения.

Чэнь Шаньвань замер. Он не нашёл, что ответить. Он даже не заметил, как Юй Суй повернулся боком, упёрся коленом в подушку дивана, оперся рукой о спинку и слегка подался вперёд, сокращая расстояние между ними.

Чэнь Шаньвань инстинктивно отстранился. Хотя он давно всё подозревал, сейчас в голове был полный хаос. В этой ситуации он выдавил:

— Я никогда не говорил никому дату своего рождения.

сваренные в воде или сиропе. Традиционное блюдо, символизирующее семейное единство и полноту. Подаётся во время Праздника фонарей (15-й день первого лунного месяца) и других праздников.

** Тефтели «Четыре радости» (四方喜, sìxǐ wánzi) — традиционное блюдо из четырёх крупных мясных шариков (обычно из свинины), символизирующих четыре жизненные радости: удачу (福), процветание (禄), долголетие (寿) и счастье (喜). Часто подаётся на праздничных застольях, особенно на свадьбах и Новом годе.

***Куриные лапки «Тигровая шкура» (虎皮鸡爪, hǔpí jīzhǎo) — популярная закуска, где куриные лапки сначала обжариваются во фритюре, затем тушатся в соевом соусе со специями. В процессе жарки кожа покрывается морщинистыми пузырями, напоминающими тигриную шкуру (отсюда название). Блюдо ценится за нежную текстуру и насыщенный вкус.

****Креветки «Пипа» (皮皮虾, pípa dàxiā) — блюдо, где креветки (обычно в панировке или фаршированные) выкладываются в форме китайской лютни «пипа» (琵琶). Название отсылает к характерной грушевидной форме инструмента. В тексте адаптировано как «креветки в панировке» для упрощения восприятия русским читателем.

<http://bllate.org/book/12897/1637621>